

Символы шпионажа — двуличие, предательство, маскировка, секретность, тайна, блеф, двойной блеф, неведение, дезинформация, притворство — всего лишь символика обыкновенной жизни любого человека.

Уильям Бойд

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
-------------------	---

часть I. Хайфа

1. Лазутчик	17
2. Лагерь	32
3. Автомастерская	39
4. Наблюдатель (1)	47
5. «Тигр»	53
6. Ицхак	58
7. Операция «Скворец»	81
8. «Кедр»	87
9. Наблюдатель (2)	97

часть II. Бейрут

10. «Ким»	107
11. Исключительные шансы	115
12. Падение Израиля	121
13. Киоск «Три луны»	132
14. Казино «Медитеране»	141
15. Яхта Гитлера	149
16. Диверсант	162
17. Виселица	167
18. Еврейское государство	176
19. Жоржетта	192
20. Рыжий	205
21. Домой	219
Эпилог	226
Примечания по использованным источникам	232
Благодарность	269

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из четырех разведчиков, героев этого повествования, до наших дней дожил один Ицхак. Сейчас, когда я пишу эти строки, ему, бывшему бойцу-очкарику из закоулков Алеппо, 93 года. Познакомить нас вызвался другой бывший сотрудник израильской разведки, ныне пенсионер, которого я знал по работе над иным сюжетом. Я встретился с Ицхаком не потому, что слышал о нем самом или о небольшом подразделении, в котором он служил в момент создания государства, а по той веской причине, что убедился за годы журналистской работы: общение со старым разведчиком никогда не бывает напрасным.

В итоге наше общение затянулось на годы: мы часами беседовали на фоне оливкового кафеля его кухни на седьмом этаже в жилом доме к югу от Тель-Авива. Иногда он медленно подходил к плите и варил кофе в турке с длинной ручкой, вроде тех, которые ставят на походный костер. Он взвешивал каждое свое слово; болтливость у этих людей не в чести. Память у него была острая как бритва. Иногда могло показаться, что Война за независимость только что завершилась, а то и вообще не кончалась.

Смеялся он чаще, чем можно было ожидать, — почти после каждой фразы, сопровождая басовитое «хе-хе-хе» покачиванием головы, от которой мало что осталось, кроме ушей, носа и улыбки. Впрочем, то, что вызывало у него смех, редко бывало забавным. Он не преуменьшал события, просто не уставал поражаться всему тому, что ему довелось по-

видать и пережить. Когда он говорил, то и дело проглядывал прежний Ицхак — наблюдательный, быстрый, ненасытный. Он изображал других: и тех, кто дожил до старости и умер в своей постели, и тех, кто семьдесят лет назад отважно ринулся в ураган событий и сгинул.

Впервые появившись на овощном рынке Тель-Авива в 1942 году, Ицхак, арабоязычный подросток без гроша в кармане, торговавший на корточках перцами из ящика, мог бы там и остаться. Многие застряли на таких рынках — например, мой прадед, продававший с тележки апельсины в Нижнем Ист-Сайде на Манхэттене. Но с Ицхаком вышло иначе. Его подхватила и увлекла причудливая волна. Он мог бы закончить свои дни в двадцать три года среди песков с пулей в голове, как случилось с некоторыми из его друзей, или в петле в тюремном дворе, не оставив о себе почти никакой памяти. Но ему удалось выжить. Он мог бы избежать риска, но это значило бы согласиться с уничтожением еврейского государства в самой его колыбели, в 1948 году. Но не произошло и этого — и вот мы здесь, в этом государстве, нашем государстве, сидим за столом у Ицхака на кухне.

«Шпионаж, — заметил однажды Джон Ле Карре, — это секретный театр нашего общества». У стран есть тайные истории и тайные личины, как и у их шпионов, и из этих подвалов открывается своеобразный вид на мир наверху. Именно в этом, наряду с влечением к рассказам тайных агентов о двойных идентичностях, — причина моего интереса к этим людям и к их невероятным приключениям. Сами эти люди — порой важное свидетельство о стране, которую они помогали создавать.

За годы моего общения с Ицхаком произошло грандиозное крушение арабского мира и разрушение Алеппо, города, где он родился и провел детство, в сирийской гражданской войне. Наши встречи происходили на фоне всех этих событий. В 2011 году, когда мы познакомились, Алеппо еще был

мирным городом, только синагоги там простояли пустые все десятилетия после бегства семьи Ицхака и всех евреев из этого города и из всех арабских стран. Но вскоре опустели и церкви, и многие мечети; большая часть огромного арабского мегаполиса превратилась в развалины.

У нас на глазах люди в отчаянии пересекали Средиземное море, высаживались на греческих берегах и тянулись вглубь Европы с детьми и пожитками. По всему Ближнему Востоку уничтожались или бежали с насиженных мест христиане, зороастрийцы, мандеи и езиды, мусульмане-сунниты, жившие раньше среди шиитов, шииты, жившие раньше среди суннитов, люди, мыслившие или поступавшие иначе, люди, не имевшие племенной защиты. Ненависть ко всем, кто не похож на тебя, представление, что проблему можно решить только при исчезновении таких людей, — порой это начинается с евреев, но никогда на них не заканчивается.

Одна из наших с Ицхаком бесед проходила не у него на кухне, а в торговом центре в его районе, где многие жители происходят из исламских стран, как сам Ицхак и половина всех израильских евреев. На верхнем этаже мигал неоновым и громыхал электронными взрывами зал видеоигр, полный бедолаг-родителей, оказавшихся здесь из-за летних каникул и липкой жары снаружи. В «Макдоналдсе» было не протолкнуться, пластмассовая игровая площадка была набита битком. В магазине «Афродита» шли на ура алые лифчики. Женщина в очках с оранжевой оправой заполняла лотерейную карточку.

Люди, появившиеся на свет в еврейских кварталах Туниса и Алжира, щеголяли в разноцветных солнечных очках и кроссовках. Здесь были евреи из иракского Мосула, захваченного Исламским государством¹, — в иной ситуации они оказались бы во рвах вместе со своими соседями

1 Организация запрещена в РФ. — *Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*

езидами, а здесь они, наслаждаясь прохладой от кондиционеров, пили латте и лакомились кошерными наггетсами, пока их детишки прыгали на батуте, вопя на иврите. Все они были израильтянами — но не пионерами-кибуцниками, воплотившими мечты сионистов, не сиротами, от которых отвернулась Европа. Нет, это были уроженцы исламского мира, чья жизнь переплелась с судьбой исламского мира, подобно жизни дедов их дедов. Это был Израиль, но не тот, который обычно показывают и живописуют.

За столиком сетевого кафе рядом с эскалатором сидел разведчик Ицхак Шошан — в прежней жизни Заки Шашо из Алеппо, известный также как Абдул Карим Мухаммед Сидки из Бейрута. В его повествовании о том, как у него на глазах родился Израиль, не было привычных нам действующих лиц, и звучал этот рассказ непривычно, зато он объяснял настоящее лучше, чем все, что мне доводилось слышать раньше. То была ближневосточная история. Потом я вышел на улицу и увидел ее другими глазами. Тогда я и решил, что настало время поделиться этой историей.

Я опирался на интервью, взятые у Ицхака и других людей, на документы из военного архива Израиля, в том числе впервые рассекреченные по моему запросу, на документы из архива Хаганы — еврейской подпольной армии, действовавшей до образования государства, а также на неопубликованные свидетельства участников событий, ушедших из жизни до того, как я решил с ними побеседовать. Особенно пригодились две вышедшие только на иврите и давно не переиздававшиеся книги об истории Арабского отдела. Первую, пера историка Цвики Дрора, выпустило в 1986 году Министерство обороны Израиля — ее я для простоты буду называть «официальной». Вторую, изданную в 2001 году, написал на закате жизни один из наших четырех агентов, Гамлиэль Коэн. Я привожу цитаты из документов, аудиозаписей, своих интервью. Отсутствие при-

мечаний означает цитирование по памяти. В конце книги перечисляются источники.

Неписанные правила шпионской литературы требуют, кажется, чтобы герои меняли ход истории или по меньшей мере ход войны, в которой участвуют. Как это ни соблазнительно, так бывает, боюсь, нечасто, и в случае наших разведчиков этого не произошло, как ни велик был их вклад в исход войны. Их деятельность не привела ни к драматическим событиям, позволившим избежать катастрофы, ни к решению дьявольской головоломки. Их историческое значение — в другом: они стали эмбрионами одной из самых могущественных разведывательных служб мира, «скромным началом долгой плодотворной традиции», как назвали их историки Бенни Моррис и Йен Блэк, «прямой связью между мелким любительством, каким была сионистская разведка в самом начале, и серьезными профессиональными усилиями, предпринятыми после 1948 года».

Как указывает в своей официальной истории Цвики Дрор, в израильской разведке учат, что нашим началом послужило подразделение «Заря», из которого выросли крупные операции и все то, что в последующие годы стало известно всему миру как «подвиги “Моссад”». Эти подвиги — полезная мифология для маленькой страны, находящейся в опасном положении; они затушевывают уязвимость народа. Но мы пишем только о народе и о его уязвимости, о затушевывании речи не идет.

Это не всеобъемлющая история рождения Израиля или израильской разведки, даже не самого этого подразделения. Речь идет о двадцати ключевых месяцах, с января 1948-го до августа 1949 года, о двух левантийских портах в восьмидесяти километрах друг от друга и о четырех молодых людях, угодивших с периферии в самую гущу событий. Я искал не столько суть исторических событий, сколько их человеческое сердце, — искал и находил.